

МАЛАЯ ПЛАНЕТА ИЛИ ЧУДО СВЕТА

На востоке Казахстана есть уголки природы фантастической красоты, поражающие воображение даже тех, кто много путешествовал, и хорошо знаком с «лицом» планеты. Но мало кто из восточноказахстанцев имеет представление о древнейших глинах, как Киин-Кириш.. И, слава Богу, что места эти до последнего времени оставались почти не посещаемыми. Однако, за последние годы, в связи с транспортными возможностями населения, подобные природные заповедники чаще все посещаются «диким племенем» туристов, жаждущих встреч с дикой природой, едущих за впечатлениями в самые отдаленные места нашей области. Результаты от этих поездок, к сожалению, уже на лицо: недавно еще абсолютно дикие ландшафты, где резвились разве что ветры, находили покой и приют дикие животные, по глазам теперь «бьют» выброшенные окурки и пачки от сигарет, шумящие и гремящие на ветру пакеты, бутылки из пластика и прочее; в защищенных от ветра местах темнеют следы от кострищ. И очарование встреч

Ак Ертіс - 10 жыл

с первозданной природой пропадает, очаги которой на планете становятся редкостью. Одному из таких мест посвящен представленный очерк.

После получасовой езды по трассе, бегущей вдоль курчумских предгорий, в Северном Призайсанье, появляется сверток к Зайсан-озеру. В перегретом воздухе вдаль у горизонта выделяется одинокая, округлая сопка – Кара-Бирюк. Маяком она возвышается на пустынной равнине, а дальше за ней плещется Зайсан. Каждый раз, подъезжая сюда, обязательно вспоминаю ту – первую встречу. Как-то неожиданно, во время езды по вихляющей из стороны в сторону рыжей дороге, на фоне чахлой растительности, в дрожащем от зноя воздухе появилась потрясающая картина: пламенели сопки, на которых время от времени появлялись всплески белых огней. Имея представления о причудах и «фокусах» пустынь Средней Азии и Южного Казахстана, я подумал тогда, что это – мираж. Бежали пустынные километры, но котловина настойчиво прокручивала одну и ту же картину. «Что ж там такое?». И чем больше приближалась сопка Кара-Бирюк, тем пылающий ландшафт становился ярче, в нём угадывались размытые очертания цветных глин. Еще несколько поворотов и до места назначения остается не более трех-пяти километров. И вот уже чудо природы перед глазами – взору открылась панорама больших и малых разноцветных холмов и округлых останцев.

Глины Киин-Кириш

Остатки туранговых рощ

Полуденное солнце беспощадно: то здесь, то там на бескрайних просторах возрождаются миражи и, как в кривом зеркале, по мере нашего приближения к глинам, расплывались и отступали. Утопая в потоках горячего воздуха, красные сопки тряслись, меняя очертания и цветность. Это и был необычный у Озера звенящих колоколов, «инопланетный» пейзаж. Но, по мере приближения, краски холмов, вспышки огней на них мертвели и представлялась совершенно чуждая пониманию

картина, исторгающая свет ушедших эпох.

Подобные обнажения геологи называют «пылающими адырами». На этом удивление не проходит: впечатляют вспышки огней, возникающие на холмах, словно кто-то зеркальными «зайчиками» по глазам бьет. Первое очарование не передать: кажется, что в зарево пылающих глин высыпались все звезды Вселенной, и теперь, подобно рыбкам в сетях, они взмахивают ослепительными лучиками, пытаясь взлететь.

Ноги вглубь чудо-ландшафта сами несут: на холмы и увалы взбираясь, спу-

Ак Ертіс - 10 жыл

скаясь в промоины – бродишь, как в сказке или во сне. Вскоре становится ясной и тайна сверкающих звезд. Это вспыхивают огнями солнца рассыпанные по холмам гипсовые друзы и их осколки. Все это – геологическое Зайсанское Колорадо или Чудо света – глины Киин-Кириш.

Каждый, по-своему, переживает картину прошлого этой земли. Для меня, например, не побывать в этих глинах – не увидеть их значило бы не узнать «сердца» освященной легендами всей котловины у озера Зайсан. Здесь все как на другой планете. И сколько бы не приезжал я сюда, глины обещали всегда новые чудеса. И не обманули: она каждый раз воспринимаются по-новому. Глины зайсанские осадочного происхождения. Миллионами лет в спокойных водах на днища озер и лиманов оседали пылинками взвеси. Частичка за частичкой, слой за слоем разных по химическому составу, формировали пласты отложений и каждый слой запечатлел, в красках время свое. Было время когда блистали здесь заливы среди буйной тропической зелени. Безмерно щедрое солнце, мягкий климат, дали многое для развития жизни. Пальмы, араукарии, магнолии, папоротники, хвощи, плауны, со временем сменили широколиственные леса, свойственные умеренным широтам, климат которых дал путевку в жизнь - платанам, липам, каштанам, каштано-дубам, ольхе и многим – многим другим растениям о которых ничего мы теперь и не знаем, и только следы из некоторых - отпечатки листьев, стволов, или пыльца рассказывают о том, что здесь было когда-то. Найдены были здесь остатки гигантских черепах, громадных удавов и других представителей древнейшей флоры и фауны, исторические правнуки которых встречаются еще в современных тропиках. Плыли века и тысячелетия, сравнимые с караванами пернатых мигрантов, транзитом улетающих в прошлое. И все что осталось от далекого, - эта «геологическая книга» сохраненная под толщей наносной почвы. И вот теперь книга эта цветными открылась страницами Киин – Кириш. Одна из которых способна рассказать как менялись климаты, как отступили озера, как исчезли древние и нарождались новые виды растений, животных; о том, как шло наступление похолоданий и засух.

Над впадиной, раздвинувшей ширью своей далекие со снегами и льдами хребты - Саура, Алтая, миллионами лет в другие эпохи летели похожие на современных, птицы. Также скучные мелодии рождали студены ветры, за которыми следом шла засуха. Прошлое безвозвратно зарастало степным быльем: появились ковыльные и полынные степи с тополями и саксаулом, тамариском и чингилем... Наступили времена и планета в наших широтах стала переодеваться в другие наряды - в одежды сезонов. Травы и кустарники похожие на современные из тысячелетия в тысячелетие смелее все завоевывали эти пространства.

А летопись природы, так и осталось бы книгой закрытой. Но с каждой весной после сезонных дождей и ветров, то там, то здесь из обрывов, в глубоких промоинах нет-нет, да и выглянет чья-то кость или гипсовая друза. Жизнь «планеты Киин-Кириш», продолжается.

Звонит под сапогами пересохшая – красная, белая, рыжая, голубая почва. Чистота - идеальная: до малой пылинки подметают глины частые ветры.

Ак Ертіс - 10 жыл

Час и другой по щелям бродишь, по закоулкам, взойдешь на обрыв или холм и, несмотря на усталость, на привыкание к ярким краскам, желание открывать для себя «Марсианскую долину» у Зайсана, не пропадет, не иссякает. Ходишь и ловишь объективом экзотические уголки фантастической панорамы. Поражают, не меньше, красотой и уродством выживающие среди безводья и зноя растения – суккуленты, и всюду рассыпанные ожелезненные конкреции. Однако и здесь, по истечению нескольких часов, утомляешься: незаметно наваливается усталость от ослепляющего солнца и не замечаешь, как скоро наступает лёгкое разочарование – тайна «звездности», пропадает. Так вот быстро, оказывается, утомляют нас восторг и эмоции. И вспоминаешь тогда: эти самые глины Киин-Кириш в переводе с казахского, означают не что иное как: «трудный», «красивый». И потому, так хочется

Монгольский снегирь на гнезде

здесь отдыха – тени, воды... Кто-то из географов рассказывал, что палеонтолог и писатель И.А. Ефремов побывав здесь, под впечатлением увиденного, озарен был идеей: написать одну из прекрасных книг его – «На краю Ойкумены». Так ли это, утверждать не берусь. В зное и духоте, в гнетущем, действующем на психику безмолвии «бушуют» под солнцем краски древнейших глин и, если б не визг стрижей, стрелами прошивающих небосвод, не чеканье пустынных каменок, показалось бы, что время остановилось, а мир – оглох. Все здесь так и не так: но есть здесь своя жизнь и знойным днями живое все прячется от солнца по норам, гротам и трещинам. Со

Курганнык - хищник пустынь

спящих холмов время от времени доносятся унылые голоса монгольских снегирей. С местными у них ничего общего. Однако, у экзотических пичужек – обитателей центрально-азиатских пустынь, также есть розоватые перья на крыльях, груди. В отличии от красногрудых, таежных собратьев, довольствуются они полу-норами в обрывах, различными трещинами, устраивая в них гнездышки, выстланные грубыми обломками ветвей саксаула, тасбиюргуна и других солянок.

Стоит пройти вдоль обрыва высоким барьером, замыкающим с юга «Красную планету», из какой-нибудь пещеры выпугнешь филина или сыча. Набрёдёшь, бывает, на гнезда соколов – балобана или пустельги, или канюков – центрального, азиатского и курганика.

Иногда, с первыми лучами солнца, в глины, непонятно для чего, одолев многие километры прилетают атайки или красные утки, которых мы называем еще - огари. Это они оставляют лапчатые автографы после весенних дождей на

глинах. Атайки садятся на вершины самых больших холмов, внимательно заглядывают в темные расселины, будто ищут кого-то и, как базарные торговки, громко, без умолку, переговариваются. Посовещавшись, они улетают с тем же, с чем и прилетели. Их вопросы остаются нерешенными, неразгаданной остается тайна визита. Они улетают с твердым намерением вернуться сюда завтра же. Бывает, с лежки лисицу поднимешь или вспугнешь монгольского зайца, а то и с волком столкнешься. Присядешь в тени где-нибудь на время дух перевести, а ноги-то сами – торопят и тащат дальше, в дебри цветные – на поиски нового.

Птенцы пустельги

Однажды, произошло с нами совершенно неожиданное: бродили мы, как обычно, наслаждаясь экзотикой древности, фотографируя всё, что было нам интересно. И вот, оказавшись в замкнутой среди красных холмов впадине, замечаем, как воздух стал вдруг неестественно синим. Растения, какие здесь были, мгновенно посинели: лица и руки у нас стали сине-зелеными. Всё так и было в «Марсианской долине» - Киин-Кириш, как я называю эти глины: сами мы стали почти марсианами – сине-зелеными человечками, а вот ярко-красные глины в это время заметно потускнели, стали морковными. Мир, что называется, преобразился на глазах, будто и, правда, происходило все это не на Земле, а на неизвестной планете. Связано это было с особым состоянием освещения: в сценарий древнего мира включилась игра света

Лисица

Сколько бы лет не приходилось посещать этот фантастический уголок, чем-нибудь необычным он удивлял каждый раз. Фантастические проявления местности – неисчерпаемы, особенно для художника. Запоминаются часы полуденные, когда раскаленный

воздух обездвижен и вокруг всё погружается в состояние, как представляется, непробудного сна. И тогда под голубым куполом неба, как в царстве подводном: ни звуков тебе, ни шорохов. Только гнетущая тишина и штурмующие красками глины, сжигающие в своем пламени чистейший воздух. Амии же глины дышат глины в такие часы горячо и знойно, и прямо в лицо.

Без эмоций и восторга взглянуть если в красочный лик этой «планеты», то заметишь, как а изъеденных временем холмов, обрывов или свалившиеся, оплавленных дождями глыб похожих на громадные кубы и булки, смотрят темно-

Ак Ертіс - 10 жыл

глазые дыры и норы своей пустотой. Встречаются и руины напоминающие заброшенные замки, тупоголовые и островерхие юрты. Через весь этот феерический комплекс, миниатюрными хребтами, с юга на север, тянутся «горные цепи» высотой до 10-15 метров и больше. И так на все стороны - холмы: красные, рыжие, разлинованные, как снег белыми или голубоватыми и синеватыми пластами. Либо вкрапливаются в них разных цветов и оттенков полосы, пятна...

«Горные хребты» Киин-Кириш

Под сапогами пересохшая до звона глина, сцементированная – белая, красная,.. до чистоты идеальной подметенная ветрами. На «каменном полу» встречаются отпечатки волчьих и утиных лап (!) Как не удивляться, если глину и лом не возьмет, а ней следы... Но это лишь следствие, причина проста: во время редких дождей – глины так раскисают, ткни пальцем – и он войдет как в сметану. Тогда и расписываются на ней, ставят свои автографы здешние обитатели. И пока идешь коридорами промоин между цветными холмами, за каждым поворотом, выплывают навстречу сургучно-красные, белые, бордовые, с оттенками синевы, голубые, зеленоватые, черные купола и гряды. Восхищают цепи холмов, источенные дождями и покрытые в результате глубокими складками, делая их похожими на морщинистые спины гигантских чудовищ спрятавших головы. В трещинах, змеями таятся плотные тени. Цветистый чудо - остров затерянный в полупустыне – одно из великих чудес природы нашего края. Час и другой бродишь по «закоулкам», поднимаешься на обрывы и холмы, и желание идти и открывать для себя «Зайсанскую планету» – не угасает. Поражают также идеально

Ак Ертіс - 10 жыл

приспособленные к безводью растения – суккуленты. По истечению 3-5 часов здесь утомляешься. От беспощадного солнца и жажды наваливается усталость, и тогда замечаешь, что эмоции утомляют, и вспоминаешь: Киин-Кириш, с казахского, переводится как – «трудный», «красивый». И потому здесь так хочется отдыха, тени, воды...

Неизгладимой впечатление производят удивительные миниатюры хребтов глинистые гряды, до мелочей на которых переданы рельеф и цвета присущие горным ландшафтам. Поражает, как все проработано, скопировано с горных систем: такие же склоны на них, обрывы, овраги, ложки и долины, со следами исчезнувших водотоков. В результате создан громадный макет не известной горной страны. Но, природа на этом, не остановилась - пошла дальше: по склонам, на водоразделах цветных «Гималаев», коврами стелятся зелень лишайников, передавая колоритность нагорных тундр; выше «альпийских» лугов, как и положено – ослепляет белизна глин, будто «льдов» и «снегов». Не приказать себе, чтобы без восхищения, равнодушно, без эмоций смотреть на феерический мир высочайших хребтов? Чьей же умелой и мудрой рукой здесь сотворена «Красная планета»? Будто так, для себя, Великий, ради забавы создал в пекле центрально-азиатской пустыни, под небом открытым, музей горных миниатюр. Нет, здесь, конечно своих облаков, застилающих вершины и перевалы. Без труда и усилий, легко как великану шагать по вершинам хребтов, быстро и легко спускаться в «долины», где по одиночке похожие на миниатюрные баобабы стоят карликовые деревья: кустики многолетника с игловидными листьями анабазиса – солянки или тасбиюргуна. В зное, безводье стареть они не спешат. До глубокой древности остаются юными карликами. О возрасте их судить можно по разбегу корней: чем длиннее и дальше, паутина корней, тем растение старше.

Да, глины скоро утомляют, как было сказано. Быстро наступает привыкание: все тускнеет, как кажется, и не так не удивляет уже то, что приводило в восторг. Спрашиваешь себя: «Сколько здесь можно ходить и щелкать фотоаппаратом?». Больше всё подчиняешься спящей до этого часа лени. Известно, что после нескольких дней пребывания здесь, утомленные солнцем люди, галлюцинируют ночами и вместо сна бродят неосознанно во мраке при лунном сиянии среди мертвых холмов: чудо природы становится адом.

Однако, чего б не говорили, мало ли что писали, но, после отдыха в тени захудалой пещеры, обретаешь дух силы и бодрости, и ноги – они виноваты, - ведут через промоины и «хребты», «перевалы», мимо пещер, мимо гротов... И снова мир древности порождает сумасшедшие мысли: «А если появится, вдруг, динозавр, – фантазируешь, – или другое какое-либо доисторическое создание, - не удивишься, примешь как должное...»

В вечном союзе ветры и дожди, из года в год, миллионами весен, днями осени поздней размывали наносные сверху почвы, под которыми находятся глины. С одной стороны образовался обрыв, пядь за пядью, обнажая цветные пласты. За долгое время от них остались останцы в виде бугров и все эти - небольшие холмы, башенки...

Хмурится вечер, тускнеет Киин-Кириш. В тревоге день провожая, один на один остаешься с пустыней. А ночью совсем другая она. Она оживает голосами и снующими тенями летучих мышей... В чахлах полыньках монотонной

трелью заводятся пустынные кузнечики – онконотусы; в наступивших сумерках с пронзительным визгом ввинчиваясь в небо, уходят на ночлег стрижи. «Отоспятся» они где-то под самыми звездами в даях небесных и утром, быстрые и стремительные, вернуться снова.. В ночной тихий час прокричит мышкующий сыч, проухает филин, и сонно тьякнет оголодавшая за день лисица... Долина пылающих глин, как и тысячи лет назад, до восхода, до нового дня раскроется только для ночи. Так было до пришествия человека и то же самое происходит сейчас. Тонет «Красная планета» в голосах и звуках ночи, будто нет еще на земле человечества. Так вот рисуется мало доступное пониманию прошлое этой земли.

И думается, как подобно птиц караванам, пролетали века, слагаясь в тысячелетия. И всё, что осталось - «Геологическая книга», скрытая под наносными почвами. И книга открылась. Умей лишь читать. Она расскажет, как менялась природа, как отступили и появлялись озера, как исчезли предки современных растений, как нарождались животные. Помнят глины суровые тысячелетия ледниковых эпох. Они, как и прежде, видят вдали устремленные в небо горные вершины - Алтая, Саура, Манрака. Миллионами лет над ними кочевали птицы, похожие на современных, но скучные, как и сейчас, мелодии рождали пролетные ветры. Проходили века, наступали засуха и холода, ведущие к опустыниванию этой земли

Прошлое забытью предавалось; порастало новыми травами, не страшна которым ни засуха, ни холода: появились саваноидного типа здесь степи с ковылями, полынями, с рощами древней туранги, саксаулом, тамариском и чингилём. Тропическое и субтропическое царство уступило место сезонной растительности. И все обитатели котловины оказались перед выбором: либо исчезнуть, либо приспособиться к холодам, чтобы дожидаться встречи с весной и благолепием лета. Травы, кустарники и деревья буквально прорывались сквозь времена и климаты их, приспособляясь как могли, завоевывая эти пространства, чтобы дожить до наших времен.

Так и осталось бы закрытой геологическая летопись края – Киин-Кириш. Но природа сурова была и щедра, и капризна... И тропический рай в цветущих магнолиях, с тенистыми лесами и теплолюбивыми травами, открылся нам повествуя об ушедшем фантастическом мире отпечатками листьев, окаменелостями животных.

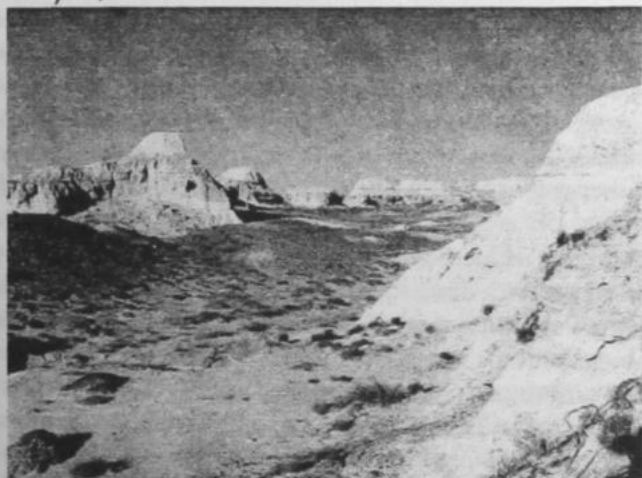
Много усилий приложено учеными-антропологами, чтобы найти того первого, кто был пращуром в эволюции человека. В последние годы в древнейших отложениях Европы обнаружены кости скелета странной, названной – Идой, обезьяны. Палеонтологи склоняются к мысли, что именно она и была из первых взрастивших эволюционную ветвь антропоидов, давшей начало всему человечеству. Но, нельзя забывать и то, что именно здесь, в Зайсанской котловине, в этих вот глинах, обнаружены были «останки» наидревнейшего существа, напоминающего предка приматов. И возраст его, без малого, - тридцать миллионов.

Киин-Кириш, как сказано было, – жемчужина третичного периода, детище древних морей и заливов. Нежно-голубые пласты глин сформировались от того, что много было здесь чистого неба; их изумрудная цветность появилась от первобытных лесов и зеленых глубин исчезнувших водоемов. Глины впитали, также,

Ак Ертіс - 10 жыл

черноту непроглядных ночей. То, что были прозрачными воды, более «жарким» солнце и более «близкими» звезды, увидел все это я в булыжниках гипсовых друз. Побывайте в часы, когда день умирает, когда воздух полонится тишиной и грустью, тогда и поймете, и удивитесь что побывали в третичные времена предшествующего Кайнозою, то есть, без малого - 60 миллионов лет!

Натуралисты Департамента охраны природы Голландии, посетившие эти места, испытав неподдельный восторг, выразили желание – на себя взять расходы по охране Восточно-Казахстанского Колорадо. Оно и понятно, мы, в первую очередь, во что бы то ни стало должны сохранить уникальный памятник природы, как одно из чудес природы, как некую «Империю ушедших эпох»... Однако, местные жители частенько в каньоны загоняют табуны лошадей, разрушающих ландшафт. Глины Киин-Кириш в Призайсанье, то же самое что и для Алтая – Белуха, что Алтай на всем континенте.

Юртообразные останцы глин

Держу крупнее чем след сапога, как камень тяжелую дружину гипса. После удара оземь, в руках - полвины, похожие на миндалины глаз допотопного, очнувшиеся ото сна, существа. «Глаза» - тревожны и молчаливы и удивленно смотрят на новый, прекрасный мир в котором живем мы с вами. В каждой миндалине - излучает свет прошлого. Гляжу в них и слышу звон поющего солнца, шорох первозданных лесов, всплески древнейших озер и заливов... И вижу в озерах колыханье отраженных, мо-

лодых тогда еще, гор Алтая, Саура, Манрака. Все весело, молодо в гипсовом «оке». Как в зеркале, полыхал в них наступивший закат. Жадно, еще и еще всматриваюсь в темноту их зрачков. А в них не только закат, но и впервые отражаются глаза человека.

